



НА КРЫЛЬЯХ ЛЮБВИ

Барбара Картленд



Мечты
сбываются

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

На крыльях любви

Барбара Картленд
Мечты сбываются

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2007

УДК 821.111
ББК 84(4ВЕЛ)

Картленд Б.

Мечты сбываются / Б. Картленд — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2007 — (На крыльях любви)

ISBN 978-6-17-122808-5

«Мама, как ты могла? Ведь еще и года не прошло после смерти папы!» — такими были первые слова Люсии Маунтфорд, когда ее мать, оставшаяся вдовой после крушения «Титаника», снова вышла замуж. Теперь их состояние тает на глазах, а болезнь матери обостряет и без того плачевное положение. Испуганная Люсия внезапно обнаруживает, что в уплату долгов отчим не только отдал ее в секретари соседу-ловеласу лорду Уинтертону, но и пообещал ему Люсию в жены! Почему же ее все больше влечет к Уинтертону, а не к степенному и порядочному Эдварду де Редклиффу? Когда своенравная красавица леди Шелли вдруг заявит о планах стать леди Уинтертон, ревность подскажет Люсии — она влюблена! Но лорд таинственно исчезнет...

УДК 821.111
ББК 84(4ВЕЛ)

ISBN 978-6-17-122808-5

© Картленд Б., 2007
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2007

Содержание

«Розовая серия» Барбары Картленд	6
Глава первая	7
Глава вторая	18
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Барбара Картленд

Мечты сбываются

Все персонажи и ситуации в книге вымышленные и никак не связаны с реальными людьми или событиями

«Розовая серия» Барбары Картленд

Барбара Картленд была необычайно плодовитой писательницей – автором бесчисленных бестселлеров. В общей сложности она написала 723 книги, совокупный тираж которых составил более миллиарда экземпляров. Ее книги переведены на 36 языков народов мира.

Кроме романов, ее перу принадлежат несколько биографий исторических личностей, шесть автобиографий, ряд театральных пьес, книги, которые содержат советы, относящиеся к жизненным ситуациям, любви, витаминам и кулинарии. Она была также политическим обозревателем на радио и телевидении.

Первую книгу под названием «Ажурная пила» Барбара Картленд написала в возрасте двадцати одного года. Книга сразу стала бестселлером, переведенным на шесть языков.

Барбара Картленд писала семьдесят шесть лет, почти до конца своей жизни. Ее романы пользовались необычайной популярностью в Соединенных Штатах. В 1976 году они заняли первое и второе места в списке бестселлеров Б. Далтона. Такого успеха не знал никто ни до нее, ни после.

Она часто попадала в Книгу рекордов Гиннесса, создавая за год больше книг, чем кто-либо из ее современников. Когда однажды издатели попросили ее писать больше романов, она увеличила их число с десяти до двадцати, а то и более, в год. Ей тогда было семьдесят семь лет.

Барбара Картленд творила в таком темпе в течение последующих двадцати лет. Последнюю книгу она написала, когда ей было девяносто семь. В конце концов издатели перестали поспевать за ее феноменальной производительностью, и после смерти писательницы осталось сто шестьдесят неизданных книг.

Барбара Картленд стала легендой еще при жизни, и миллионы поклонников во всем мире продолжают зачитываться ее чудесными романами.

Моральная чистота и высокие душевные качества героинь этих романов, доблесть и красота мужчин и прежде всего непоколебимая вера писательницы в силу любви – вот за что любят Барбару Картленд читатели.

Когда влюбленные мечтают о любви, их мечты сбываются.

Барбара Картленд

Глава первая

1913 год

– Согласны ли вы, Серена Мэри, взять в мужа...

Невеста была настоящей красавицей, и все присутствующие в церкви сошлись на том, что выглядит она просто прелестно.

Хотя она уже была далеко не юной, глаза ее сверкали столь же ярко, как роскошные бриллианты на шее.

Ее жемчужного цвета атласное платье, сшитое по последней моде, подчеркивало статную фигуру, стройную, несмотря на возраст. Юбка обтягивала ее бедра, струясь складками вниз. Лиф с длинными рукавами был обильно украшен дорогими кружевами.

«Нет! Нет!» – думала Люсия, наблюдая за тем, как счастливые новобрачные, глядя друг другу в глаза, обмениваются супружескими клятвами.

Ей очень не хотелось присутствовать на свадьбе, и, будь у нее хотя бы малейшая возможность предотвратить ее, она без колебаний воспользовалась бы ею.

«Мама, как ты могла? – отчаянно хотелось крикнуть ей во весь голос и при этом не расплакаться. – Ведь еще и года не прошло после смерти папы, в которой повинен... этот человек».

Не многие из тех, кто присутствовал в этот день в церкви, не согласились бы с первой частью ее утверждения, как, впрочем, и со второй.

Обитатели Шилборо отличались консервативностью и по-прежнему неуклонно соблюдали траурный ритуал, а потому леди Серена Маунтфорд столкнулась с явным осуждением, когда объявила, что по прошествии едва одиннадцати месяцев после безвременной гибели лорда Маунтфорда на борту лайнера «Титаник» во время его первого плавания намерена выйти замуж во второй раз.

– Она же еще должна носить траур, – перешептывались жители деревни, когда она проносилась мимо в сверкающем «роллс-ройсе», по-прежнему кутаясь в черное шерстяное пальто – несомненный признак вдовства. Автомобиль – «Серебряный призрак»,¹ одна из последних моделей – был радостью и гордостью лорда Маунтфорда.

«Роллс-ройс» лорда Маунтфорда был одним из тех немногих самодвижущихся экипажей, которые можно было встретить в этой части Хартфордшира. Но куда больше местных жителей шокировало то, что он управлял им сам.

Викарий продолжил свадебную церемонию, а Люсия опустила взгляд на букетик весенних цветов, перевязанный атласной лентой.

Разве плохо им было одним, без сэра Артура Мак-Аллистера?

Она вспомнила тот страшный день, когда получила каблогранму² от поверенного семьи из Лондона, в которой сообщалось о гибели лайнера компании «Уайт Стар»³ по пути в Нью-Йорк.

Люсия в саду любовалась нарциссами, покрывавшими склоны пологих холмов поместья Бингем-холл.

¹ «Серебряный призрак» (Rolls-Royce 40/50HP «Silver Ghost») – автомобиль премиум-класса британской компании «Роллс-Ройс» (1907). Название получил благодаря бесшумной работе двигателя. Один из самых роскошных автомобилей, который могли приобрести только очень богатые люди; для этих машин обычно нанимали шофера. (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.)

² Телеграмма, передаваемая по подводному кабелю. (Примеч. ред.)

³ «Уайт Стар Лайн» (англ. White Star Line) – крупнейшая британская судоходная компания конца XIX – начала XX века, которой принадлежал «Титаник».

Она очень любила весну.

День тогда выдался поистине замечательный. Певчие птицы весело выводили трели, и Люсия как раз раздумывала над тем, не переодеться ли ей в костюм для верховой езды, когда жуткий стон, похожий на вой раненого зверя, донесся через французские окна⁴ гостиной, где занималась вышивкой ее мать.

– Мама! – в тревоге прошептала Люсия. Девушка побежала по лужайке к дому так быстро, как только позволяла ее узкая, по моде, юбка, и распахнула стеклянные двери.

Леди Маунтфорд сидела, раскачиваясь из стороны в сторону, на софе. По лицу ее текли слезы, у ног лежала скомканная каблограмма, а на лице Монсона, дворецкого, был написан ужас.

– Мисс Люсия, хвала Господу, – прошептал он, завидев Люсию.

– Мама! Мама! Что случилось? – вскричала девушка, обнимая мать.

Слезы душили леди Маунтфорд, и она не могла говорить. Прикрыв лицо ладонью, она слабым жестом указала на каблограмму на полу.

– О нет... – прошептала Люсия, поднимая листок бумаги.

Она прочла:

«Прошу срочно связаться со мной тчк Титаник затонул тчк В первом списке выживших лорда Маунтфорда нет тчк Генри Урвин».

Прочитав эти слова, Люсия почувствовала, как кровь стынет у нее в жилах. Мистер Урвин был их добрым другом и поверенным семьи.

Они обе, и Люсия, и ее мать, с большой неохотой дали согласие на поездку лорда Маунтфорда в Нью-Йорк. По совету сэра Артура Мак-Аллистера, своего делового партнера, он сделал вложения в несколько фабрик в штате Нью-Йорк.

Сжимая в дрожащей ладони каблограмму, в тот миг Люсия и представить себе не могла, какую роль еще предстоит сыграть сэру Артуру в их жизни.

– Мама, – откашлявшись, произнесла она, пытаясь взять себя в руки. – Ты уже звонила мистеру Урвину?

– Ах, Люсия, я не могу этого сделать! Что, если он не спасся?

– Мама, мистер Урвин сообщает, что его имени нет в первом списке спасенных, но это совсем не значит, что он погиб.

– Люсия, меня с самого начала этой его поездки не покидали дурные предчувствия. Я словно заранее знала о том, что она обернется катастрофой.

Люсия судорожно сглотнула.

Ей нужно собрать всю свою волю в кулак и позвонить мистеру Урвину. Она должна это сделать.

– Мостон, немедленно попросите Бриджет принести маме нюхательные соли, – распорядилась она, стараясь сохранять спокойствие.

– Очень хорошо, мисс, – повиновался тот, даже не пытаясь скрыть облегчения.

Мостон служил лорду Маунтфорду уже долгие годы и считал его хорошим хозяином. Но что принесет слугам Бингем-холла столь неожиданный поворот трагических событий?

Люсия расхаживала взад-вперед по гостиной в ожидании Бриджет. Очень скоро та вошла в комнату, держа в руках небольшой флакончик с нюхательными солями, который на протяжении вот уже многих лет оставался неизменным спутником матери.

Леди Маунтфорд отличалась чрезвычайно деликатной организацией, и для того, чтобы она лишилась чувств, требовалось совсем немного. Неожданный раскат грома, резкий тол-

⁴ Французское окно – двустворчатое, доходящее до пола и открывающееся наружу окно.

чок экипажа... даже слуги научились вести себя так, чтобы она слышала, как они входят в комнату, из опасения вызвать у нее обморок.

Бриджет тут же засуетилась вокруг своей хозяйки, стараясь успокоить ее.

– Вот так, миледи. Сделайте глубокий вдох и понюхайте соль. Совсем скоро вам станет лучше.

Люсия тем временем, закусив губу, бесцельно перебирала кисточки абажура. Достанет ли у нее мужества выйти в холл и снять трубку телефона?

Она бы, пожалуй, предпочла взять «роллс-ройс» и отправиться в Лондон, в контору мистера Урвина, чтобы лично повидать его, но не могла оставить мать одну.

Время шло, а Люсия все пыталась успокоить сердце, которое готово было выпрыгнуть из груди.

Наконец с деланным спокойствием она вышла в холл.

Телефон был установлен в поместье совсем недавно по настоянию отца, которого сильно беспокоило состояние здоровья ее матери, и Люсия подумала: в том, что источником тревоги и беспокойства теперь послужил он сам, а не его супруга, есть какая-то злая ирония.

Она подняла трубку, поднесла ее к уху и после короткой паузы услышала, как на коммутаторе ответили:

– Да, миледи?

– Говорит мисс Маунтфорд, Джойс, – негромко сказала она, узнав телефонистку по голосу. – Вы не могли бы соединить меня с номером Ченсери 212?

– Одну минутку, мисс Маунтфорд.

Наконец на другом конце провода она услышала голос одного из клерков мистера Урвина.

– Алло, – громко сказала она, поскольку слышимость была отвратительной. – Я могу поговорить с мистером Урвином? Это мисс Маунтфорд из Шилборо.

Клерк положил трубку, и она погрузилась в тревожное ожидание, пока наконец не услышала голос поверенного:

– Здравствуйте, мисс Маунтфорд.

– Мистер Урвин. Мы получили вашу каблогранму. Папа...

– Мне очень жаль, что я вынужден сообщить вам дурные известия, мисс Маунтфорд. Впервые мы услышали о несчастье, когда узнали, что в конторе Ллойда зазвонил колокол с «Лутины».⁵ Полагаю, сообщение о кораблекрушении будет помещено в завтрашних газетах. Ужасная, просто ужасная трагедия!

– Вы сказали, что папы не было в первом списке выживших. Известно ли вам что-либо еще?

– Один из моих сотрудников сейчас находится в штаб-квартире компании «Уайт Лайн». Он вернется, как только узнает что-либо конкретное. Они выпускают списки спасенных по мере того, как те добираются до суши. Он говорит, что контору компании осаждают толпы родственников. Одному Господу известно, что там будет твориться завтра, когда газеты опубликуют отчеты о случившемся.

– Но папа...

– Моя дорогая, можно надеяться на то, что он благополучно спасся. Судя по всему, больше всего жертв среди команды и пассажиров второго, третьего и четвертого классов. А первые выжившие – почти исключительно пассажиры первого класса.

⁵ Колокол с «Лутины» висит в страховом зале Ллойда, его сняли с корабля «Лутина», утонувшего в Северном море в 1799 году. В него ударяли один раз, если корабль утонул, и два – когда приходили хорошие новости. Известия предназначались для брокеров и поручителей корпорации Ллойда. После удара колокола прекращались все операции по страхованию судна.

Люсия заколебалась – ей уже доводилось бывать на пароходах, и она читала истории о кораблекрушениях. Разве не руководствуются моряки в таких случаях правилом – детей и женщин следует спасать в первую очередь?

– Числятся ли в первых списках пассажиры-мужчины? – неуверенно поинтересовалась она.

На другом конце линии воцарилась долгая пауза, и сердце у Люсии сжалось от дурного предчувствия. Ей вдруг стало нечем дышать.

Наконец мистер Урвин ответил:

– Очень мало. Мне бы не хотелось внушать вам опасения без веских на то оснований, но я хотел, чтобы вы узнали об этом до того, как прочете репортажи в газетах. На восточном побережье Америки еще утро, и мы, без сомнения, продолжим получать новые сведения.

Поблагодарив его, Люсия положила трубку. Самые разные мысли роились у нее в голове.

«Если с папой что-нибудь случится, я никогда не прощу сэра Артура Мак-Аллистера за то, что он обрек его на смерть», – решила она, возвращаясь в гостиную.

Мать лежала на софе, обложившись подушками. Вокруг нее по-прежнему суежилась Бриджет, пытаясь уговорить хозяйку выпить немного бренди.

– Всего один глоточек, миледи. Это поможет вам успокоить нервы.

Леди Маунтфорд открыла глаза и увидела в дверях Люсию.

– Люсия! – вскричала она. – Что он сказал?

– Пока нет никаких известий, мама. Но мистер Урвин говорит, что еще не все спасенные добрались до суши. Как только у него появятся какие-либо новости, он немедленно свяжется с нами.

– Мне кажется, я не переживу, если он...

– Тише, мама. В неизвестности есть надежда.

Но на сердце у нее была пустота. В глубине души Люсия уже знала, что отец погиб.

* * *

Потянулись мучительные и страшные в своей неопределенности недели. Люсия ухаживала за слегшей матерью, и обе с нетерпением и страхом ждали новостей. И вот 30 апреля мистер Урвин лично прибыл из Холборна в Шилборо, чтобы сообщить печальные известия.

– Он погиб как герой, – сказал он, и леди Маунтфорд разрыдалась, а Люсия принялась успокаивать ее.

– Судя по всему, лорд Маунтфорд уступил свое место в спасательной шлюпке какой-то женщине из второго класса с ребенком. Его тело было найдено в море и идентифицировано по письму в бумажнике.

– Нам придется плыть в Америку, чтобы привезти его домой? – спросила Люсия, взяв себя в руки, пока рядом заливалась слезами безутешная мать. – Мама и слышать не желает о том, чтобы его похоронили на американском кладбище. В газетах уже писали, что некоторые жертвы кораблекрушения должны быть похоронены в Новой Шотландии или даже в море.

– Через несколько недель тело будет доставлено в Англию, – заверил ее мистер Урвин, лицо которого было серым как пепел. – Я уже нанял за свой счет катафалк, который доставит его от вокзала Юстон⁶ в Бингем-холл. В знак уважения к покойному я не позволю вам понести расходы еще и за эту церемонию.

Мистер Урвин сдержал слово. Через несколько недель лорд Маунтфорд вернулся домой, в Бингем-холл.

⁶ Юстон – большой лондонский вокзал.

На похоронах, которые состоялись несколько дней спустя, Люсия в молчании застыла перед алтарем на том же самом месте, где стояла сейчас, глядя, как ее мать выходит замуж за мужчину, которого она считала виновным в безвременной смерти своего отца.

«Я его ненавижу! Как же я его ненавижу! – говорила она себе, пока преподобный отец Браун продолжал службу. – Если бы не он и его дурацкие планы, папа сегодня был бы жив».

– Я объявляю вас мужем и женой.

Сэр Артур наклонился и поцеловал свою новую жену в щеку. Орган грянул торжественным гимном, но Люсия его уже не слышала.

Кипя негодованием, она смотрела, как новоиспеченная леди Мак-Аллистер идет к выходу из церкви, улыбающаяся и счастливая.

Люси заметила, что некоторой части присутствующих было совсем не до улыбок. На лицах многих родственников, собравшихся в церкви, было написано неудовольствие. Быть может, они тоже вспоминают о том, что только в минувшем году они съезжались сюда, дабы присутствовать на похоронах ее отца?

«Не могла же мама так быстро забыть отца! – думала Люсия, выходя на свет весеннего солнца. – Мы ведь стоим в нескольких шагах от его могилы».

Но новая леди Мак-Аллистер не удостоила величественную могилу с надгробным памятником, видневшуюся справа от входа в церковь, и беглого взгляда.

«Как жаль, что не хлынул ливень, – не унималась Люсия, глядя, как мать и отчим подходят к надраенному до блеска «роллс-ройсу», украшенному гирляндами ради такого случая. Новый шофер, Бриггс, распахнул перед ними дверцу и отдал честь, пока они залезали внутрь».

«К чему эта целая куча новых слуг? – возмущалась про себя Люсия. – Нанимать шофера не было никакой нужды. С этой обязанностью прекрасно справлялся и Джек, старший грым».

Но она понимала, что, приведя с собой новых слуг, сэр Артур утверждает свою власть. Ее раздражало, что отныне он будет главным в Бингем-холле, где испокон веку властвовали и правили Маунтфорды. Но у Люсии не было ни братьев, ни сестер, и, учитывая возраст матери, едва ли можно было надеяться, что они когда-либо появятся.

«Пожалуй, хотя бы за это мне следует быть благодарной», – думала она, поднимаясь в изящное белое ландо.⁷ Оно было нанято специально ради такого случая, чтобы показать обитателям Шилборо, что сэр Артур отныне становится силой, с которой следует считаться.

Люсия смотрела, как с негромким ворчанием завелся двигатель «роллс-ройса». Интересно, подумала она, каково это – оказаться за рулем авто? И так же волнительно, как, например, сидеть верхом на Старлайте, когда он галопом мчится по пологим холмам?

Обратный путь в Бингем-холл пролегал через деревню. Если счастливые новобрачные надеялись, что улицы будут заполнены празднично одетыми и приветствующими их цветами и улыбками жителями, то их ожидало разочарование.

Несколько угрюмых мужчин наблюдали, как авто с негромким урчанием катилось по центральной улице. Многим было любопытно посмотреть на самодвижущийся экипаж, поскольку в здешних краях зрелище это было редким. Детвора вприпрыжку бежала за автомобилем, крича от восторга, но малыши были единственными, на чьих лицах появились улыбки.

«Они все уверены, что мама совершила глупость», – подумала Люсия, обеими руками держась за борта открытой коляски.

⁷ Ландо – легкая четырехместная повозка со складывающейся вперед и назад крышей.

А Бингем-холл с самого утра гудел, как потревоженный улей. Слугам пришлось довольствоваться минимумом сна или же не спать вовсе, поскольку приготовления к роскошному банкету, который должен был состояться в бальной зале, начались заранее.

В саду был разбит шатер, дабы гости могли выйти на свежий воздух и полюбоваться нарциссами и примулами. Люсия с горечью вспоминала, какое наслаждение доставляли ей цветы еще прошлой весной, до того, как ее прежний мир разлетелся вдребезги.

После похорон лорда Маунтфорда ее мать слегла с заболеванием, вылечить которое доктора оказались не в силах.

Медицинские светила с Харли-стрит один за другим перебивали в Бингем-холле, выписывая счета на внушительные суммы.

Люсии помимо воли пришлось заняться их оплатой, но эта процедура оказалась для нее вновь, и она решительно не понимала, как заниматься бухгалтерией.

Ей казалось неправильным, что она ведет дела с отцовским банком, и когда оттуда пришло письмо, уведомлявшее ее о том, что они более не примут к оплате ни одного чека, пока на счет не будет внесена достаточная сумма, она попросту не знала, к кому обратиться за помощью и советом.

К счастью, свое надежное плечо вновь подставил Генри Урвин, а вскоре и мать начала демонстрировать симптомы выздоровления. В это время, тянувшееся невыносимо долго, сэр Артур сделался в Бингем-холле частым гостем.

Поначалу Люсия никак не могла поверить, что мать принимает его по доброй воле, но, когда сэр Артур заявил, что желает обсудить деловые предприятия отца, ей нечего было возразить.

Она прекрасно помнила о письмах из банка, которые теперь благополучно переадресовывала мистеру Урвину.

Внутренний голос подсказывал ей, что дела идут далеко не блестяще, но вплоть до того дня, когда о том же самом ей заявил мистер Урвин, она старательно гнала от себя подобные мысли.

* * *

– Люсия, ты сегодня замечательно выглядишь.

Отвлечься от невеселых мыслей Люсию заставил голос Джеффри Чарльтона, брата одной из ее ближайших подруг, Эмелин.

Он взял ее руку и поцеловал.

– Какая холодная у тебя ладошка! – заметил он. – Пожалуй, прогулка в ландо в середине марта была не самой лучшей идеей!

Люсия расхохоталась.

Она была очень привязана к Джеффри, хотя для нее он всегда оставался всего лишь непослушным, озорным младшим братом Эмелин.

– Да, я немного замерзла, – призналась она. – Пожалуй, надо попросить Мостона принести мне накидку потеплее.

– Служба была превосходна, не так ли? А твоя мама выглядела просто прелестно.

– Джеффри, обычно ты не отличаешься таким тактом.

– Это не в моем стиле – комментировать столь поспешное замужество, – злорадно добавил Джеффри.

– Ты только что сделал это, – возразила Люсия. – А теперь проводи меня в бальную залу, пожалуйста. Иначе я стану легкой добычей кого-либо из приятелей сэра Артура.

– Он ведь с севера, не так ли?

– Да, из Манчестера, – подтвердила Люсия, когда они уже шли в бальную залу. – Ему там принадлежит фабрика, но также есть инвестиции в Америке и Южной Африке.

– С такой-то фамилией у него в роду наверняка есть шотландские предки.

– Полагаю, что так, хотя и очень дальние. Мама отозвалась на этот счет как-то неопределенно и уклончиво, когда я спросила об этом.

– Клянусь честью, в его бороде видна рыжина, – с кривой улыбкой заметил Джеффри, – и потому он хотя бы отчасти шотландец!

Люсия была очень рада, что Джеффри пришел на свадьбу, поскольку Эмелин вынуждена была остаться дома из-за сильной простуды, которая донимала подругу вот уже целую неделю.

– Джеффри, будь добр, проводи меня к столу, – попросила Люсия, когда они вошли в величественную бальную залу, поражающую роскошным убранством, на столах в которой стояли серебряные канделябры и вазы с цветами.

– Мама не спала полночи, расставляя их, – сообщила своему спутнику Люсия. – Она настояла на том, чтобы самой составить как можно больше цветочных композиций, хотя и знала, что здоровье ее может пошатнуться. Это одно из ее увлечений.

В эту минуту Люсия подошла к верхнему столу, за которым уже сидели мать и отчим. Мать одарила ее ослепительной улыбкой и похлопала ладонью по стулу рядом с собой.

– Твое место здесь, дорогая, а ты, Джеффри, сидишь за столом с моей сестрой.

Джеффри вежливо улыбнулся ей и распрощался с Люсией, пообещав непременно вернуться.

Она села на стул, с сожалением думая о том, что Джеффри не смог остаться с ней. Вместо него ее соседом по обеденному столу оказался глухой двоюродный дедушка Губерт. Чтобы попасть сюда, ему пришлось проделать долгий путь из Лондона, и он был явно поражен тем, что его племянница выходит замуж во второй раз.

– Мужчине нужна жена! – громыхнул он. – Я сам был женат трижды, но ни одна леди не пожелает теперь взять в мужья такого старика, как я.

Люсия решила, что ему, наверное, никак не меньше семидесяти пяти, и в отсутствие других собеседников даже прониклась к нему симпатией и сочувствием.

– Мне и даром не нужна молодая жена, – продолжал он после того, как было подано первое блюдо. – Я предпочитаю более зрелых женщин.

Люсия вдруг поняла, что улыбается, хотя и понимала, что он вовсе не собирался развлекать ее.

Во время банкета, состоявшего из пяти блюд, Люсия искоса наблюдала за своим отчимом.

Он был высоким и хорошо сложенным мужчиной, не склонным к полноте, а лицо его нельзя было назвать ни уродливым, ни привлекательным. Его каштановые волосы уже начали седеть, и он носил окладистую бороду, делавшую его похожим на настоящего морского волка.

«Какая жалость, что это не он оказался на борту “Титаника”, – кипела она от негодования, глядя, как сэр Артур весело смеется чему-то вместе с матерью. – Неужели мама не видит, каков он на самом деле? Должно быть, он до невозможности счастлив приобрести еще один участок земли для великой империи Мак-Аллистера».

Хотя отчим с гордостью носил титул, Люсия прекрасно знала, что он удостоен всего лишь звания рыцаря. И еще она не сомневалась в том, что, породнившись с семейством Маунтфордов, он рассчитывал возвысить и свое имя.

И тут ей в голову пришла неожиданная мысль. А что будет с ней, если ее мать умрет? Может ли она сама остаться без гроша? Ведь наверняка мама не завещает поместье и те немногие деньги, что у них еще остаются, своему новому супругу?

Раздумывая о собственной судьбе, Люсия погрузилась в угрюмое молчание. Ей отчаянно хотелось оказаться где-нибудь в другом месте, чтобы не улыбаться через силу и не делать вид, что у нее все в порядке, когда на самом деле она чувствовала себя жалкой и несчастной.

Когда невыносимо долгий ужин наконец закончился, Люсия извинилась и поднялась наверх, чтобы переодеться. Горничная, Мэри-Энн, уже поджидала ее с отутюженным бальным платьем наготове.

Как бы Люсии ни хотелось изобразить головную боль и остаться в своей комнате, девушка понимала, что не может себе этого позволить.

– Ее милость выглядит такой счастливой! – вздохнула Мэри-Энн, расчесывая волосы Люсии. – Как странно и непривычно, что в доме появится новый хозяин, не так ли?

– Он никогда не заменит мне папу, – угрюмо пробормотала Люсия.

Мэри-Энн залилась румянцем, сообразив, что ее реплика совершенно неуместна.

– Прошу прощения, мисс. Я не хотела оскорбить вас.

– Все в порядке, Мэри-Энн. Бингем-холл все еще принадлежит маме, и, даже сменив фамилию, она по-прежнему остается представительницей клана Маунтфордов.

– Да, мисс.

Укладывать прическу Люсии Мэри-Энн заканчивала уже в полном молчании. Говоря по правде, ее никоим образом не волновали внешность и манеры нового хозяина Бингем-холла, как, кстати, и большинство остальных слуг. Они считали его торговцем-выскочкой, который лишь воспользовался представившейся возможностью, чтобы подняться по социальной лестнице.

Слуги в Бингем-холле придерживались довольно старомодных взглядов и гордились тем, что верой и правдой служат настоящим аристократам. И некоторые из них полагали, что с приходом сэра Артура статус поместья может понизиться.

К тому времени как Люсия сошла вниз, бальную залу уже освободили для танцев. Гости переместились в сад, под навес, и до ее слуха долетели звуки инструментов, которые настраивали музыканты.

Люсия издали заметила Джеффри Чарльтона, пробиравшегося сквозь толпу ко входу в бальную залу, и быстрым шагом направилась к нему.

– Люсия! Как тебе удастся выглядеть еще очаровательнее, чем прежде?

– Джеффри, побереги свои комплименты для тех, кто готов в них поверить, – с улыбкой парировала она.

– Полноте, если уж я не могу попрактиковаться в искусстве лести на восхитительной подружке своей дорогой сестры...

– Джеффри, ты должен пообещать, что пригласишь меня на первый танец. Я не хочу, чтобы ужасные друзья моего отчима сочли, будто имеют на это право.

– С превеликим удовольствием, но, Люсия, милая моя, мне показалось или я действительно уловил намек на презрение в твоём отношении к отчиму?

– Ты прекрасно знаешь, что именно его я считаю виновным в смерти папы, – отозвалась она, одарив его холодным взглядом. – Если бы не он и его дурацкие инвестиционные проекты, папа до сих пор был бы жив.

Джеффри вздохнул и взял Люсию за руку.

– Но кто сказал, что твой отец не мог бы погибнуть в аварии на своем проклятом автомобиле, которым он к тому же предпочитал управлять сам? Дорогая моя, я верю, что, когда Господь Всемогуший решает, что кому-либо из нас настало время присоединиться к нему, мы должны повиноваться!

– Это крайне фаталистический взгляд на жизнь, Джеффри.

– Тем не менее попробуй утешиться этой мыслью, какой бы мрачной она сейчас тебе ни представлялась. Но я прекрасно понимаю, почему ты не желаешь допустить его в свою семью – он ведь не один из нас, не так ли?

– Да, Джеффри, ты прав. Но мы не должны порицать его только за то, что его отец был красильщиком. Он трудился не покладая рук, чтобы стать владельцем текстильной фабрики, на которой поначалу был всего лишь наемным рабочим...

На лице симпатичного молодого человека отразилось легкое презрение, но потом он вспомнил, что Люсия всерьез увлеклась новомодными веяниями, не позволявшими смотреть на представителей рабочего сословия свысока.

– Этак ты сейчас заявишь мне, что поддерживаешь суфражисток,⁸ – насмешливо улыбнулся он, когда они заняли свои места на танцполе.

– Я убеждена, что замужние женщины должны иметь право голоса. Разве не мы, в конце концов, рожаем мужчин на свет?

Джеффри расхохотался.

– Не сомневаюсь, что ты жалеешь о том, что это не ты подожгла фитиль бомбы,⁹ едва не разнесшей дом Ллойда Джорджа¹⁰ на куски на прошлой неделе!

Их политический диспут был прерван оркестром, сыгравшим первые такты. Джеффри вдруг пришло в голову, что Люсии, не прояви она должной осторожности, будет чрезвычайно трудно найти себе супруга, если она и дальше станет исповедовать столь радикальные взгляды.

Танцуя, он смотрел на нее – она была очень красива, прелестная блондинка с печальными серыми глазами. Она была умна, забавна и многого добилась. Но вот ее взгляды...

«Эх, если бы они не были настолько прямолинейными и совершенно не женскими!» – подумал он.

А Люсия даже не подозревала о том, какие мысли бродят в голове у Джеффри. Она не питала предубеждений насчет собственной привлекательности, но и особой прелестницей себя не считала.

Мать ее в свое время была настоящей красавицей, отчего, собственно, лорд Маунтфорд и влюбился в нее, и даже сейчас, по мнению Люсии, затмевала женщин намного моложе себя.

Она смотрела, как ее мать и сэр Артур кружатся по зале в венском вальсе, таком элегантном и волшебном.

«Если бы мама не заболела после смерти папы, она бы ни за что не поддавалась яду его ухаживаний», – подумала девушка, чувствуя, как горестно сжимается ее сердце всякий раз, когда мать улыбается сэру Артуру.

Танец закончился, и Люсия сообщила Джеффри, что во время следующего она хочет просто посидеть и отдохнуть.

– Я не очень хорошо себя чувствую, – призналась она. – Не привыкла пить так много шампанского с самого утра.

Она уже собиралась покинуть танцпол, как вдруг почувствовала чью-то руку на своем плече.

Обернувшись, она увидела перед собой сэра Артура.

⁸ Суфражистки – участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав. Также суфражистки выступали против дискриминации женщин в целом в политической и экономической жизни. Движение суфражисток получило распространение в конце XIX – начале XX веков.

⁹ Воинствующая английская суфражистка Э. Дэвидсон в 1913 году подложила бомбу в дом Ллойда Джорджа. Дом был сильно поврежден взрывом.

¹⁰ Дэвид Ллойд Джордж, 1-й граф Дуйвор, виконт Гвинед (1863–1945) – британский политический деятель, последний премьер-министр Великобритании от Либеральной партии (1916–1922).

– Люсия! В качестве моей падчерицы, надеюсь, ты окажешь мне честь и потанцуешь со мной.

Люсия уже открыла было рот, чтобы возразить, но поверх плеча отчима увидела мать, которая знаками показывала ей, что она должна уступить.

Коротко кивнув в знак согласия, она позволила ему увлечь себя на танцпол.

– Это платье чрезвычайно идет тебе, – сказал он, двигаясь в такт музыке и крепко обнимая ее за талию. – Это ведь французский атлас, не так ли?

– С Бонд-стрит,¹¹ да.

– И я готов держать пари, что ты заплатила за него слишком много. Ох уж эти лондонские цены! Владельцы магазинов знают, что лондонские глупцы готовы переплачивать, и потому завышают цены.

Люсия попыталась не обращать внимания на его комментарии. Она боялась, что, начав отвечать, не сумеет скрыть раздражения.

– Ты знаешь, что отныне я считаю тебя своей собственной дочерью, – продолжал он, – и в качестве таковой намерен опекать тебя как полагается. Без чуткого мужского руководства женщина легко может пасть жертвой собственных нелепых увлечений.

– Папа всегда хвалил меня за трезвый ум и практичность.

– Ты имеешь в виду покупку платьев по завышенной цене на Бонд-стрит? Фу!

Люсия ощутила, как в груди у нее разгорается жаркое пламя гнева. Как смеет этот человек отзываться в столь неподобающем тоне о ее отце? Кем он себя считает?

– Нет, Люсия, теперь я твой опекун и хозяин дома, и потому ожидаю, что ты как послушная дочь будешь следовать моим правилам.

Люсия остановилась и в упор взглянула на него.

– Сэр, я вынуждена оставить вас. Мне нездоровится.

Не дожидаясь ответа, она быстро покинула танцпол. Но, прежде чем успела дойти до двери, к ней подошла мать.

– Люсия, ради всего святого, что на тебя нашло? Ты вела себя очень грубо и оскорбила сэра Артура.

– А разве приемлемо с его стороны отпускать оскорбительные замечания в адрес папы? Мама, даже не проси меня покорно выслушивать его, когда он критикует моего отца!

– Дорогая, я понимаю, что тебе сейчас нелегко.

– Мама, почему ты вышла за него так быстро после смерти папы? Неужели тебе все равно, что говорят люди?

– Люсия, я по-прежнему твоя мать, и ты не должна разговаривать со мной таким тоном, – резко бросила миледи, но глаза ее наполнились слезами. – Давай уйдем отсюда. На нас смотрят.

Она увлекла Люсию в библиотеку и закрыла за собой дверь.

Слезы уже ручьем струились по ее лицу, когда она взяла дочь за руку.

– Родная, я хочу, чтобы ты знала все. Если бы не сэр Артур, мы обе были бы уже на улице.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Люсия, и голос ее дрогнул.

– Мое длительное недомогание слишком дорого нам обошлось, а твой отец перед самой смертью сделал несколько очень неудачных вложений. Думаю, ты обратила внимание на то, что денег в банке осталось совсем немного, но ты еще не знаешь, что, если бы я не вышла замуж за сэра Артура, мистер Урвин советовал мне продать Бингем-холл, и тогда нам пришлось бы жить в крайне стесненных обстоятельствах!

¹¹ Бонд-стрит – с XVIII века улица элитных бутиков и магазинов в лондонском районе Мэйфэйр. Одна из главных улиц торговой части Вест-Энда.

– Нет! Этого не может быть! – в ужасе прошептала Люсия.

Мать уже не сдерживала слез.

– Это правда. Денег оставалось настолько мало, что мистер Урвин предложил мне продать кое-какие личные вещи... и я была вынуждена предпринять... некоторые шаги. Сэр Артур утешал и поддерживал меня в эти черные дни, и, когда он сделал мне предложение, я согласилась выйти за него замуж. Родная, он очень меня любит. Ты должна принять его, как сделала я, и быть с ним вежливой.

Вся неприязнь и отчуждение, которые Люсия испытывала к отчиму, вырвались наружу, и девушка расплакалась.

Как могла мать требовать от нее чего-либо подобного? Она ведь даже не заикнулась о том, что любит его, так почему же она сама должна повиноваться ему, как если бы он был ее родным отцом?

Наконец Люсия попыталась взять себя в руки.

Казалось, некая неведомая сила вселилась в нее и заговорила ее устами – слова хлынули бурным потоком, словно бы сами по себе, и она выбежала из библиотеки в сад.

– Нет! Уж лучше я закончу свои дни нищенкой в работном доме, чем признаю его отцом! – всхлипывала она. Слезы застилали ей глаза, когда она, ничего не видя перед собой, машинально устремилась к «роллс-ройсу», стоявшему на подъездной аллее.

Глава вторая

– Ричард, тебе действительно нужно идти?

Поразительно красивая эффектная женщина с рыжими кудрями натянула простыни до подбородка и, надув губки, уставилась на высокого привлекательного мужчину с густыми каштановыми волосами и пронзительными голубыми глазами, который спрыгнул с постели и принялся надевать сорочку.

Окинув влажным взглядом его мускулистую фигуру, она вздохнула.

Лорд Уинтертон был великолепен в искусстве любви, как, впрочем, и во всем остальном, чем бы ему ни приходила в голову блажь заняться. Но теперь, после крайне непродолжительного визита, он уходил.

– Послушай, Беатрис, ты же знаешь, что сегодня днем у меня назначена важная встреча, и потому я мог остаться у тебя всего на несколько часов. Я сказал тебе об этом сразу, как только пришел.

– Но, милый...

– Беатрис, пожалуйста, не смотри на меня так.

Она с мольбой взидала на него из теплой постели – той самой, которую некогда делила со своим супругом, лордом Шелли, погибшим в минувшем сентябре после падения с лошади.

Лорда Уинтертона неизменно забавлял тот факт, что он наставил рога человеку, которого величал «старинной» и который сейчас пребывал на небесах.

Прелестница же постаралась выглядеть как можно более соблазнительной, призывно похлопав по постели рядом с собой.

– Мне пора, – коротко сообщил он, застегивая тужурку и ища свои перчатки. Хотя было уже начало марта, в воздухе ощущалась прохлада.

Подойдя к кровати, он поцеловал рыжие завитушки на ее макушке.

Как-то так получилось, что после того, как дела вынудили его регулярно бывать в Лондоне, он стал посещать ее куда чаще, чем намеревался.

Перед тем как выйти из будуара, он бросил на себя последний взгляд в псише¹² леди Шелли. Для предстоящей встречи он выглядел достаточно презентабельно. Опустив взгляд на свои безукоризненные черные сапоги, он мысленно поблагодарил своего дворецкого Джепсона, который позаботился о том, чтобы они были начищены как раз к его сегодняшнему раннему отъезду из Лонгфилд-манора.

Пригладив коротко подстриженные усики, он, не оборачиваясь, помахал Беатрис рукой на прощание.

– Но когда же я увижу тебя снова? – крикнула она ему вслед.

Услышав, как захлопнулась входная дверь, она возмущенно фыркнула и, схватив одну из подушек, изо всех запустила ее в дверь спальни.

– Скотина! – прошипела она, и по губам ее скользнула презрительная усмешка. – Пожалуй, в следующий раз меня не окажется дома, когда ты решишь заглянуть в гости.

* * *

А во дворе Бингем-холла Люсия добрых полчаса просидела в пустом автомобиле, захлебываясь слезами. Она слишком хорошо знала, какая судьба ждала героинь прочитан-

¹² Псише – старинное зеркало в поворотной раме для установки в наклонном положении.

ных ею романов после того, как их матери вновь выходили замуж, и сейчас спрашивала себя, не уготована ли и ей подобная участь.

– Каким тоном он со мной разговаривал! – прошептала она, утирая слезы носовым платком. – Как он смел? Будь у меня брат, он бы вызвал его на дуэль или, по крайней мере, поговорил с ним по-мужски.

Но у Люсии не было брата, с которым она могла бы разделить свою тяжкую ношу.

Более того, то, о чем только что рассказала ей мать, потрясло девушку до глубины души.

«Неужели папа действительно вверг нас всех в столь плачевное положение? – спросила она себя. – Едва ли это возможно. Он всегда производил впечатление очень разумного и осторожного человека, когда речь заходила о деньгах».

Тут она заметила, что к автомобилю приближается лакей.

Люсия быстро привела себя в порядок и поспешно спрятала носовой платок.

– Все в порядке, мисс Маунтфорд? – осведомился тот.

– Д-да, благодарю вас. Мне просто захотелось ненадолго побыть одной, – сбивчиво ответила она и вышла из салона, когда он распахнул перед ней дверцу.

Украдкой оглядевшись по сторонам, она не увидела знакомых лиц и поспешно направилась обратно в дом, дрожа всем телом.

«Ну вот, теперь я чувствую себя ужасно виноватой в том, что так сильно расстроила маму, – с грустью подумала она. – Я поступила дурно, да еще в день ее свадьбы».

Люсия быстрым шагом направилась в библиотеку, но матери там не оказалось.

«Очевидно, она развлекает своих гостей», – решила она и отправилась на поиски родительницы.

– Вот ты где, дорогая!

Люсия едва успела войти в бальную залу, как позади нее прозвучал голос матери.

– Мама, прости меня, пожалуйста...

– Ш-ш, тише. Сегодня мы более не будем говорить об этом. Я рада, что нашла тебя, потому что скоро должна буду подняться к себе наверх, чтобы переодеться.

– Вы уже уезжаете?

– Артур забронировал нам места на поезде, который отправляется в полночь. Разве я не говорила тебе, что мы поедем на «Восточном экспрессе» до самой Венеции?

Люсия понурила голову.

Собственное поведение представлялось ей совершенно недопустимым, и теперь ее мучила совесть. Это ведь был не ее день. Это был день ее матери.

– Желаю тебе чудесно провести время, – вздохнула Люсия. – Обо мне можешь не тревожиться, Джеффри уделяет мне достаточно внимания. Смотри, вон он машет нам рукой.

Они помахали ему в ответ, и Люсия поцеловала мать в щеку.

– Я обязательно приду проводить тебя, – прошептала она, видя, что к ним сквозь толпу пробивается Джеффри. – Я хочу, чтобы ты была счастлива и сполна насладилась своим сказочным медовым месяцем. А теперь я оставляю тебя с Джеффри. Увидимся снаружи через полчаса.

– Как дела, Люсия? – приветствовал ее Джеффри. – Мне показалось, ты бросила все и убежала.

– Нет, я образумилась и пришла в себя, – задумчиво отозвалась она. – Я постараюсь примириться с неизбежным.

– Чертовски правильный поступок, старушка, – сдержанно похвалил он ее. – А теперь, полагаю, пришла очередь танцев, не правда ли?

Люсия приняла предложенную ей руку и рассмеялась, позволив увлечь себя на танцпол.

«Ради мамы я попытаюсь быть счастливой», – сказала она себе, когда Джеффри закружил ее в танце.

* * *

Мать и отчим отсутствовали три недели, и все это время Люсия сполна получала удовольствие от того, что осталась в Бингем-холле одна.

После того как с уборкой было покончено, она составила себе список первоочередных дел и приступила к ремонту и отделке собственной спальни, но едва маляры и декораторы приступили к работе, как она тотчас же утратила к ней всякий интерес и ее вновь охватили апатия и скука.

Она бесцельно бродила по поместью, и однажды ноги сами привели ее к новому деревянному гаражу, который был выстроен для того, чтобы в нем выгодно разместился «роллс-ройс» «Серебряный призрак».

Бриггс как раз вывел авто наружу и мыл его.

– Добрый день, мисс, – сказал он, коснувшись козырька фуражки мыльной рукой и оставив на нем радужные хлопья, которые немедленно расплылись и начали капать за землю.

Люсия звонко рассмеялась.

– Здравствуйте, Бриггс. Посмотрите, что я с вами сделала!

– Все в порядке, мисс. Капелька воды и мыла еще никому не причинила вреда. А я решил вот вымыть машину, поскольку в отсутствие хозяина мне больше и нечем заняться.

Люсия обошла мокрое авто по кругу, внимательно разглядывая кожаные сиденья и хромированные детали. Но, когда она провела рукой по корпусу, в голову ей вдруг пришла дерзкая идея.

– Бриггс, вы можете научить меня водить авто? – спросила она, уже заранее настроиваясь на то, что он ответит отказом.

Он отложил в сторону губку и взглянул на нее.

– Что ж, в отсутствие хозяина вы здесь босс, мисс. Если вы прикажете мне научить вас водить машину, я должен буду повиноваться. Он сказал, что в его отсутствие я должен выполнять все ваши распоряжения.

Люсия едва не подпрыгнула от радости. Ей давно хотелось сесть за руль, но возможность все никак не представлялась – и вот настал нужный момент!

– Тогда я сбегаю в дом и надену шляпку и перчатки. Бриггс, а мы поедем с ветерком? То есть очень быстро, я хотела сказать!

– Это зависит от вас, мисс, – с лукавой улыбкой ответил он.

Ей понадобилось некоторое время, чтобы отыскать свои перчатки, но вскоре она сбежала по лестнице и выскочила наружу через главный вход, куда Бриггс уже подогнал «роллс-ройс».

– Садитесь, и я покажу вам рычаги управления, – сказал он. – Вот это рулевое колесо, и, чтобы повернуть налево, нужно крутить его в левую сторону, а чтобы повернуть направо – в правую сторону. Вот это педаль газа – осторожно нажимайте на нее, чтобы двинуться с места. Но сначала нужно включить передачу, вот так...

Уже через полчаса под руководством Бриггса она сумела объехать особняк по кругу, пусть и очень медленно.

Отпустив ручной тормоз и выжав сцепление, Люсия вскрикнула от радости, когда авто покатилося вперед.

– Покажите мне еще раз, как переключать передачи! – завопила она.

– Для молодой леди вы учитесь очень быстро, мисс, – с почтением заметил Бриггс.

Они практиковались до тех пор, пока не прозвучал гонг, означающий, что послеполуденный чай подан, но Люсия была слишком взволнована, чтобы съесть что-либо, и потому ограничилась чашкой чая «Эрл Грей».

«Как здорово! – сказала она себе, с нетерпением ожидая следующего урока с Бриггсом. – Уже совсем скоро я смогу на машине навестить своих друзей и показать, каким отличным шофером стала».

Соответственно, весь остаток недели Люсия усиленно практиковалась. Бриггс показал ей, как поднимать складной верх и заливать в бак бензин.

Наконец она промчалась по подъездной аллее и выехала на проселочную дорогу.

– Похоже, мне понадобятся дополнительные шпильки! – радостно воскликнула она, когда потеряла шляпку, запутавшуюся в колючках живой изгороди.

– Думаю, что вы вполне готовы к самостоятельной поездке, – предположил Бриггс, – но прошу вас быть очень осторожной. Этот «Серебряный призрак» – единственное авто на много миль вокруг, и сэр Артур будет винить меня, если с ним что-нибудь случится.

– Это был автомобиль моего отца, – возразила Люсия, внутренне оцетинившись при упоминании сэра Артура.

– Прошу прощения, мисс. Я этого не знал, – покаянно заявил Бриггс. – Хозяин дал мне понять, что это его машина.

На обратном пути Люсия хранила молчание.

«Осталось ли еще хоть что-нибудь, на что он не предъявил свои права?» – с негодованием думала она.

* * *

Несколько дней спустя, в ясную солнечную погоду, Люсия надела перчатки и шляпку и побежала к гаражу. Бриггс был на конюшне и о чем-то болтал с Джеком, но, увидев девушку, тут же прервал разговор, чтобы выкатить «роллс-ройс» из гаража.

«Вот уж удивится Эммелин!» – подумала Люсия, пока мотор прогревался.

Она пришла в полный восторг, мчась по проселочным дорогам, и встречный ветер ласково трепал ее кудри.

Вскоре она уже въезжала в ворота Грейнджа, поместья, в котором жили Эммелин с Джеффри, представляя себе, как они изумятся при виде ее.

Остановившись у парадной двери, она громко посигналила в клаксон, как учил ее Бриггс.

На шум выбежал дворецкий Чарльтонов, и лицо его расплылось в недоверчивой улыбке.

– Мик, вы не могли бы позвать мисс Чарльтон сюда, к машине? Я хочу сделать ей сюрприз!

Дворецкий кивнул и исчез внутри, чтобы уже через пять минут привести к авто озадаченную Эммелин.

– Боже мой! – вскричала та. – Я уж было решила, что бедный Мик лишился рассудка, когда он заявил, что я должна выйти наружу. Но теперь я понимаю, для чего. Ты и вправду приехала сюда одна? Ты уверена, что твой шофер не прячется где-нибудь в кустах и это не шутка или розыгрыш?

Люсия расхохоталась.

– Нет, Эммелин. Водить авто меня научил Бриггс. А Джеффри дома? Сбегай за ним, пожалуйста.

– Нет, его нет дома, но ко мне на кофе пришли гости. Вылезай и присоединяйся к нам. Я уверена, что им будет чрезвычайно интересно узнать о твоих новых умениях.

Люсия выпрыгнула из авто и принялась отряхивать пыль с жакета. Эммелин взяла подругу за руку и привела в гостиную.

– Прошу минуточку внимания! Я хочу представить вам мою ближайшую подругу, мисс Люсию Маунтфорд. Она приехала сюда на автомобиле совсем одна. Что вы на это скажете?

На лице Эммелин было написано торжество, поскольку она прекрасно понимала, что частичка славы подруги неизбежно перепадет и ей. Очень немногие люди в графстве владели собственными автомобилями, а она не только была знакома с одной из них, но та еще и водила его сама!

– Прошу знакомиться: Сесилия Армстронг, а это ее сестра Мэй. А вон тот джентльмен у пианино – младший сын лорда Хорнби, Тристрам.

Люсия пожала руки присутствующим и смущенно зарделась, встретив взгляд довольно симпатичного молодого человека, который вышел вперед из-за спин остальных гостей. Он был высоким и стройным, с аккуратно подстриженными черными волосами и добрыми карими глазами.

– Люсия, позволь представить тебе Эдварда де Редклиффа, – с улыбкой сказала Эммелин.

От нее не укрылось, что он не может оторвать взгляд от ее подруги.

– Кажется, мы еще не встречались, – сказала Люсия, пожав ему руку.

– Полагаю, что непременно запомнил бы эту встречу, если бы она состоялась, – с теплой улыбкой ответил он.

– Сожалею, что здесь нет Джеффри, чтобы стать свидетелем твоего большого сюрприза, – заявила Эммелин. – Сегодня он укатил в Лондон, чтобы купить книги для своей новой работы.

– Когда он приступает к ней?

– В следующий понедельник. Думаю, после того как он столько времени странствовал в свое удовольствие по Италии и Франции, необходимость честным трудом зарабатывать себе на хлеб насущный станет для него настоящим потрясением.

– Бедный старина Джеффри, – вмешался в разговор Тристрам. – Держу пари, дольше месяца он не продержится!

Люсия села, и Эдвард де Редклифф тотчас же очутился рядом с ней.

– Вы очень храбрая молодая леди, – заметил он. – Сами водите автомобиль.

– Он не мой. Авто принадлежит... то есть принадлежало моему отцу, – быстро поправилась она. – Просто у мамы с отчимом сейчас медовый месяц и они уехали, так что у меня появилось свободное время и я попросила шофера научить меня водить автомобиль.

– Значит, вы живете неподалеку, мисс Маунтфорд? – заметил Эдвард мягким голосом.

– Да, совсем рядом. В Бингем-холле.

– Я этого не знал. Что до меня, то я по преимуществу живу в Мэйфэйре, но у моих родителей есть дом близ Хартфорда.

– Но ведь это совсем недалеко, – отозвалась Люсия, думая о том, что не стала бы возражать против новой встречи с Эдвардом де Редклиффом. – Вы должны приехать в Бингем-холл вместе с Эммелин, чтобы выпить с нами чаю.

При этих словах она покраснела, надеясь, что не производит впечатления слишком уж прямолинейной и развязной особы.

Они еще немного поболтали, и она обратила внимание на то, что Эдвард предпочитает больше слушать, чем говорить. Хотя, учитывая то, что тон разговору задавали Тристрам и Сесилия, понадобились бы нешуточные усилия с его стороны, дабы заявить о себе.

– Ну, мне пора, – сказала наконец Люсия, когда часы в холле пробили полдень. – Теперь, когда мамы и отчима нет дома, вся ответственность за поместье легла на меня, а там, как всегда, очень много дел.

Перед уходом она попрощалась с каждым из гостей за руку.

– Было очень приятно познакомиться с вами, – решительно заявила она Эдварду, когда подошла его очередь.

– Позвольте мне проводить вас до авто, – предложил он.

Во дворе он захлопнул за ней дверцу и выразил восхищение «Серебряным призраком».

– Отличный автомобиль. Говорят, один из лучших.

Люсия коротко рассмеялась.

– Мне трудно судить, поскольку он единственный, внутри которого мне довелось побывать.

– Мисс Маунтфорд, я могу увидаться с вами завтра?

Люсия зарделась от удовольствия. Ее вдруг охватило радостное волнение, будто в предвкушении чего-то хорошего.

– Да, я была бы очень рада. Приходите на чай к трем часам пополудни. А я попрошу кухарку приготовить торт с кокосовыми орехами, который ей особенно удастся.

– Итак, до завтра! – крикнул он ей вслед, когда она покатила вниз по подъездной аллее.

* * *

Вернувшись в Бингем-холл, Люсия заметила каблограмму в кипе писем на столе в кабинете. Она повертела ее в руках, боясь, что та предназначена ей, но потом увидела имя адресата: это был ее отчим.

Люсия тут же вернула ее на место, поскольку слишком хорошо помнила тот день, когда прибыла та страшная каблограмма от мистера Урвина.

«Надеюсь, она не принесет дурных известий», – подумала она, чувствуя, как ее охватывает внезапное желание подняться наверх, на антресоли, где она устроила небольшой алтарь в память об отце.

Выйдя из кабинета, она взбежала по лестнице в крошечный альков, где рядом с фотографией лорда Маунтфорда всегда горела свеча.

«А не прикажет ли отчим убрать все это, когда вернется?» – спросила она, ласково проводя ладонью по лицу отца.

«Говорят, что свой прежний дом в Манчестере он приказал сровнять с землей и выстроить на его месте новый, прежде чем поселиться в нем. Если у него такая страсть к переменам, не попытается ли он проделать то же самое и с Бингем-холлом?»

Люсия зажгла еще одну свечу и, установив ее в пустой подсвечник, принялась горячо молиться отцу:

– Если ты обладаешь каким-либо влиянием в раю, папа, не позволяй сэру Артуру изменить Бингем-холл хотя бы в самой малости.

Запрокинув лицо к небесам, она молилась истово и долго, пока у нее не заболели колени.

«Если я смогу помешать любым изменениям в Бингем-холле, то непременно сделаю это, – решила она, поднимаясь на ноги. – Папа, клянусь тебе в этом!»

* * *

На следующий день, как и обещал, Эдвард де Редклифф верхом пожаловал в Бингем-холл.

Они отправились на прогулку, и вскоре Люсия поняла, что их разговор состоит из вопросов, ответы на которые должны удостоверить его, получится ли из нее достойная жена.

По возвращении у нее сложилось впечатление, что она провалила испытание и уронила себя в его глазах, выразив чувства и взгляды, которые он мог счесть суффражистскими.

Но Люсия, хотя и сочувствовала представительницам этого течения, негодовала, если ее саму причисляли к ним.

Она решила, что больше не увидит его, но несколько дней спустя прибыла записка с приглашением посетить большой бал, который должен был состояться в доме одной общей знакомой на будущей неделе.

Она ответила, что принимает приглашение, после чего с головой окунулась в подготовку Бингем-холла к возвращению матери в грядущий уикенд. Она получила от нее несколько открыток, в которых мать писала, что чудесно проводит время, но при этом сильно скучает по ней.

Возвращение Мак-Аллистеров в Бингем-холл сопровождалось бурной деятельностью. Слуги, все до единого, выстроились снаружи, когда «роллс-ройс» подкатил к главному входу.

Мостон несмело приветствовал сэра Артура, вылезавшего из авто, в то время как остальные, похоже, были искренне рады вновь увидеть ее мать.

Люсия подбежала к ней и заключила в объятия.

— Мама, ты прекрасно выглядишь!

— Я очень хорошо себя чувствую, родная. Венеция произвела на меня поистине тонизирующее действие, хотя, должна признаться, там у меня появился небольшой кашель. Впрочем, доктор заверил меня, что в этом нет ничего страшного.

Взявшись за руки, Люсия с матерью вошли в особняк.

— Мостон распорядился подать чай в гостиной, и я хочу, чтобы ты во всех подробностях рассказала мне о своей поездке.

Люсия обратила внимание на то, что сэр Артур прямиком отправился к себе в кабинет. Девушке стало интересно, как онотреагирует на ожидавшую его каблограну и какие новости она ему принесла.

В гостиной Люсия с матерью пробыли совсем недолго, когда туда вошел отчим, и, глядя на него, девушка поняла, что худшие ее опасения подтверждаются.

— Серена, — заговорил он, и лицо его было чернее тучи. — Мне нужно немедленно поговорить с вами наедине. Люсия, пожалуйста, оставь нас.

Чувствуя себя уязвленной, Люсия встала и вышла из комнаты.

«Почему он не пожелал начинать разговор в моем присутствии? Я уже давно не ребенок».

Но апрельский солнечный день выдался таким чудесным, что оставаться взаперти было бы глупо, и потому она вышла в сад, чтобы размять ноги. Из конюшни до нее доносилось ржание лошадей, крики конюхов и мальчишек-подручных, занимавшихся своими делами.

Прошло совсем немного времени, и она поняла, что любопытство сильнее ее. Тем более что она находилась неподалеку от французских окон гостиной и, подойдя чуточку ближе, могла наблюдать за тем, что происходит внутри.

Но все ее уловки не принесли ей удовлетворения.

«Мама. Она плачет! Должно быть, известия оказались крайне дурными, поскольку по возвращении она пребывала в прекрасном настроении. Ах, остается только надеяться, что от перенапряжения она опять не заболеет».

Промаявшись в тревожном ожидании еще полчаса, Люсия поняла, что не может и далее пребывать в неведении.

«Я не желаю дожидаться, пока кто-нибудь не соизволит рассказать мне о том, что происходит», — сказала она себе, уязвленная и огорченная тем, как отчим обращается с ней.

Но едва она переступила порог, как увидела спешащего ей навстречу Мостона.

– А, мисс Люсия, я как раз собрался искать вас. Хозяин желает немедленно видеть вас у себя в кабинете.

Не теряя времени, она направилась в кабинет.

Было странно и непривычно стучать в дверь, сознавая, что сейчас там находится сэр Артур, а не отец.

– Войдите!

По его сухому отрывистому тону Люсия сразу поняла, что он пребывает в далеко не благодушном настроении.

– Люсия, присядь, пожалуйста.

Она огляделась по сторонам в поисках глубокого кожаного кресла, в котором сидела еще ребенком, и устроилась прямо напротив него.

Сэр Артур избегал смотреть ей в глаза. Стоя за большим столом дубового дерева, он обращался к груде бумаг, стопкой сложенных перед ним.

– Люсия, ты, без сомнения, видела каблограну, которая пришла во время нашего отсутствия. Она принесла мне неприятные известия. Если коротко, то американская фабрика, в которую я вложил деньги, перешла в стадию ликвидации, оставив после себя внушительные долги. Если я не смогу самым срочным образом изыскать двадцать пять тысяч фунтов, то потеряю все – фабрику в Манчестере и, скорее всего, нам придется продать Бингем-холл.

– Нет! Вы не можете этого сделать! Он принадлежит маме.

– Поместье принадлежит банку, Люсия, а не твоей матери. Она была вынуждена заложить его после смерти твоего отца, и поэтому нам нужны деньги, чтобы выпутаться из беды.

Люсия была ошеломлена и раздавлена. Продать Бингем-холл? Этого просто не может быть!

В этот момент в кабинет вошла ее мать. Румянец сошел с ее щек, а глаза припухли от слез.

– Ох, родная моя! Мне очень жаль, – всхлипнула она, устремляясь к Люсии. – Я уже говорила тебе, что из-за моей продолжительной болезни и неудачных вложений твоего отца мы попали в долговую яму. Я не сказала тебе об этом сразу, но мне пришлось взять ссуду под залог Бингем-холла, чтобы свести концы с концами. И вот теперь у нас не осталось свободных денег.

Люсия жалобно взглянула на мать, после чего перевела взгляд на сэра Артура, который стоял у письменного стола с крайне недовольным видом, как будто это лорд Маунтфорд был виноват в том, что он оказался на грани банкротства.

«Как смеет он изображать негодование, когда это его вина, что мы оказались в столь ужасающих обстоятельствах после того, как он убедил маму выйти за него замуж под предлогом, что баснословно богат!»

Ей очень хотелось высказать свои мысли вслух, и она, пожалуй, именно так бы и поступила, если бы не мать, сидевшая рядом с совершенно убитым видом, которую ей было безумно жаль. Не выдержав, миледи вновь расплакалась и заломила руки.

– Но что же будет с нами? Что теперь будет со всеми нами? – снова и снова повторяла она.

– Как я уже говорил твоей матери, – продолжал сэр Артур, – может случиться так, что я буду вынужден распродать все, чем располагаю на юге, а после этого нам придется переехать в мой дом в Дидсбери.

– Переехать на север? – в ужасе вскричала Люсия. – Но это означает, что нам придется расстаться со всеми, кого мы знали в Шилборо – и в Лондоне тоже! Мама, ты ни в коем случае не должна давать согласия.

– Родная, может статься, что у нас просто не останется выбора, – бесцветным голосом отозвалась мать. – Если твой отчим не сможет найти нужную сумму, тебе предстоит смириться с тем, что мы переедем отсюда.

Люсия сидела в кресле, потрясенная до глубины души. Она не ожидала, что новости окажутся столь сокрушительными.

«Оставить Бингем-холл?» – прошептала она про себя, слыша, как рядом тихонько плачет мать. Стоило ей поверить, что жизнь может начаться заново, как на нее обрушилось новое несчастье.

«Покинуть Шилборо ради какого-то Богом забытого городка на севере, который я буду ненавидеть всей душой? Ни за что! Никогда!»

Глава третья

Бингем-холл жил в ожидании несчастья. Теперь Люсия редко видела сэра Артура, который большую часть времени проводил, запершись в своем кабинете с угрюмыми и мрачными типами, в которых безошибочно угадывались счетоводы.

Постепенно Люсия привыкла к тому, что они с матерью ужинают в одиночестве, поскольку деловые встречи отчима затягивались до поздней ночи.

А ее все больше тревожили перемены, происходящие в последнее время с матерью. Здоровый румянец, с которым она приехала из Италии, вскоре исчез, и она долгие часы проводила в постели.

Кашель, о котором она поначалу отзывалась как о «легком», усилился, и по ночам Люсия слышала, как он эхом разносится по темным коридорам.

Во время еды мать отодвигала от себя тарелку, уверяя, что не голодна. Люсия же не сводила с нее глаз, боясь, что прежняя болезнь может вернуться к ней.

Она едва не позвонила Эдварду де Редклиффу, чтобы отказаться от приглашения на бал, но мать не пожелала и слышать об этом.

– Ты непременно должна составить компанию отцу, – настойчиво сказала она, сидя на постели однажды утром. – Я знаю, ты дала слово Эдварду, что поедешь, но пообещай мне, что сделаешь все, чтобы твой отчим не чувствовал себя одиноким.

– Хорошо, мама, – обреченно согласилась Люсия, думая о том, что предпочла бы остаться дома, если ей придется провести хотя бы пять минут в обществе отчима.

Пока они рассуждали о том, кто еще может присутствовать на балу, в спальню вошел сэр Артур.

– Вам уже лучше? – лишенным всяческих эмоций тоном осведомился он.

– Да, благодарю вас, дорогой. Я просто немного устала. Я просила Люсию составить вам компанию на балу, который состоится через несколько дней.

Сэр Артур, выразительно приподняв бровь, уставился на падчерицу.

– Надеюсь, ты не помчишься сломя голову на Бонд-стрит, дабы купить за бешеные деньги какое-нибудь платье или еще что-нибудь в этом роде. В сложившихся обстоятельствах нам придется прибегнуть к воздержанности и скромности.

– У меня уже есть платье, которое прекрасно подойдет для этого случая, – ошетинившись, заявила в ответ Люсия. – Я не из тех девушек, кто, однажды надев платье, потом отказывается носить его.

– Рад слышать, – язвительно бросил он. – Я только что просматривал список домашних расходов и хотел бы обсудить с твоей матерью кое-какие меры экономии. А теперь оставь нас, Люсия.

Закусив губу, чтобы не дать прорваться наружу захлестнувшему ее гневу, Люсия молча пожала матери руку и поднялась со стула у кровати.

«Он обращается со мной резко и безапелляционно. Я слыхала, что северяне отличаются склонностью к прямолинейности, но сейчас он ведет себя откровенно грубо».

Немного погодя, за ужином, Люсия с облегчением отметила, что мать сделала над собой усилие и встала с постели, а теперь пыталась съесть немного супа, который повариха приготовила специально для нее.

– Тебе уже лучше, мама? – заботливо спросила она.

– Немного, родная моя. Думаю, что сон пошел мне на пользу.

Но почти сразу же она зашлась кашлем. Поначалу Люсия решила, что она поперхнулась супом, но это было не так.

– Мама! – в тревоге вскричала она. – Вызвать врача?

– Мы не можем себе этого позволить, разве что твоя мама серьезно заболеет, – отрезал сэр Артур, не дав возможности своей супруге хотя бы открыть рот. – Врачи стоят денег, а у нас их и так немного, чтобы разбрасываться ими по пустякам.

– Но если маме нужен...

– Если я сочту, что она достаточно больна и без лишних расходов не обойтись, то непременно вызову врача. Но до тех пор нам придется ухаживать за ней самим.

Призвав Мостона и попросив его принести стакан воды, мать в конце концов справилась с приступом и пришла в себя. Проявив достойное восхищения самообладание, она как ни в чем не бывало возобновила беседу. Впрочем, Люсия сочла, что лицо ее посерело и осунулось.

– Артур, как прошла ваша сегодняшняя встреча?

– Бухгалтеры доложили мне, что сейчас не самое подходящее время для того, чтобы попытаться продать Бингем-холл. В Европе, похоже, назревает война, и в данный момент положение на рынке недвижимости оставляет желать лучшего. Нет смысла продавать такой ценный актив по слишком низкой цене.

Люсия испытала невероятное облегчение.

«По крайней мере, мне не придется уезжать из графства», – подумала она.

– Нет, нам предстоит изыскать иной способ раздобыть двадцать пять тысяч фунтов, – продолжал отчим. – Но времени у нас совсем немного. Я пытаюсь найти нужную сумму, но не советовал бы возлагать чрезмерные надежды на то, что мне это удастся. Не исключено, что мне придется прибегнуть к иным средствам.

Поставив бокал на стол, он метнул многозначительный взгляд на Люсию.

«Неужели это каким-то образом касается меня? – подумала она, почувствовав недоброе. – Он смотрел на меня так, словно уже составил какой-то план, частью которого я являюсь».

Она понимала, что это может означать только одно: приемлемое и выгодное замужество.

Ужин Люсия заканчивала в молчании. Хотя в последнее время девушка и начала задумываться о замужестве, оно должно было состояться в должное время и без всякой спешки.

«В идеале я хотела бы любить и уважать этого человека, – думала она, рассеянно перебирая фрукты на тарелке. – А еще он должен быть обаятельным и симпатичным...»

В том, что касалось романтических отношений, Люсия не могла похвастать большим опытом. Хотя в Париже ее неизменно окружала толпа поклонников, она не воспринимала их всерьез.

«Французы готовы признаваться в любви первой же встреченной ими привлекательной женщине», – сообщила ей одна подруга, и потому она с удовольствием флиртовала с Жаками, Стефанами и Шарлями и при этом ни разу ни с кем не целовалась.

Собственно говоря, с тех пор как она вернулась в Англию, Эдвард де Редклифф был единственным мужчиной, сумевшим пробудить в ней хотя бы искру интереса. Да и то главным образом потому, что сразу же увлекся ею. Кроме того, следовало учесть, что Эммелин, судя по всему, стремилась во что бы то ни стало устроить их союз.

Люсии нравилось доставлять радость своим друзьям, а Эммелин была ее давней подругой. После первой же встречи с Эдвардом она написала Люсии несколько писем, спрашивая, готова ли она увидеться с ним снова и не пытался ли он поцеловать ее.

Люсия полагала, что Эммелин хочет, чтобы между ними вспыхнул роман, дабы приписать себе заслугу его зарождения.

«...Я позволила ему навестить себя, – написала она Эммелин. – Он представляется мне честным и надежным молодым человеком, пусть и немного старомодным. Маме он очень понравился, и она говорит, что он хорошо воспитан и уважителен».

Не имея большого опыта в подобных делах, Люсия сказала себе, что вполне согласна удовлетвориться честным и достойным мужчиной, таким как Эдвард. При этом она отдавала себе отчет в том, что отчим, если он действительно намерен выгодно выдать ее замуж, скорее всего, подберет ей в мужья кого-либо намного старше, кто мог бы оказаться полезен лично ему.

«А могла бы я выйти замуж только ради того, чтобы спасти маму и Бингем-холл от разорения? – спросила она свое отражение в зеркале тем же вечером, когда Мэри-Энн расчесывала ей волосы перед сном. – Папа всегда говорил мне, что в первую очередь я должна думать о семье, и потому, полагаю, в случае крайней необходимости я бы согласилась на подобный шаг, но только при условии, что маме будет обеспечен надлежащий уход и комфорт».

Поблагодарив Мэри-Энн, она отпустила ее и забралась под одеяло. Погасив керосиновую лампу на прикроватном столике, она уставилась в темноту и задумалась.

«А могу ли я и вправду выйти замуж за нелюбимого и при этом быть счастлива? – спросила она себя. – Быть может, Эдвард сделает мне предложение и вызовется помочь, как только узнает о нашем бедственном положении. Пожалуй, мне остается лишь надеяться на то, что он попросит меня выйти за него замуж до того, как отчим найдет другого претендента на мою руку. Я чувствовала бы себя куда счастливее, если бы знала, что и от меня в этом вопросе хоть что-нибудь да зависит».

С этой успокоительной мыслью Люсия незаметно заснула, все еще пытаясь придумать, как бы заставить Эдварда влюбиться в себя.

* * *

День бала приближался, и, несмотря на все попытки Люсии переубедить ее, мать наотрез отказалась покидать свою спальню.

– Тебе станет лучше, если ты покажешься на людях, вот увидишь, – говорила она матери.

– Нет, родная моя. Я чувствую себя слишком слабой для того, чтобы провести на ногах весь вечер в бальной зале. А вот ты непременно поезжай туда с Эдвардом и отчимом. Позаботься о нем и станцуй с ним хотя бы один раз – обещаешь?

– Да, мама, – послушно согласилась Люсия, одновременно испытывая к себе глубочайшее отвращение из-за собственной уступчивости.

Она ничуть не прониклась симпатией к отчиму со дня свадьбы и полагала, что этого не случится никогда.

В назначенный час к ней вошла Мэри-Энн, чтобы одеть ее. Лимонного цвета платье чудесно оттеняло цвет ее лица, отчего глаза ее казались скорее голубыми, а не серыми, какими были от природы. Платье было обильно украшено кружевами кремового цвета, и она решила надеть жемчуга, дабы усилить эффект.

– Вы наденете свои танцевальные туфельки, мисс? – осведомилась Мэри-Энн, открывая створки гардероба.

– Там, у задней стенки, стоят кремовые туфли, которые я уже давно не надевала.

– Они никуда не годятся, мисс. Смотрите, в некоторых местах они протерлись чуть ли не до дыр.

Люсия вздохнула. Она совсем забыла о том, что совершенно износила туфельки в Париже. И вот теперь ей предстояло сделать нелепый выбор – или надеть дырявые туфли, или те, которые решительно не подходили к платью.

– А вы не могли бы немного освежить их? – с надеждой спросила она.

Мэри-Энн окинула обувь внимательным взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.